

Владимир Михановский

Аполлон

Владимир Михановский

АПОЛЛОН

«Автор»

1984

Михановский В. Н.

Аполлон / В. Н. Михановский — «Автор», 1984

«Даже здесь, над низко висящими тучами, воздух, который врывается в кабину сквозь чуть приспущенное стекло, казался насыщенным тревожными запахами пробуждающейся тайги...»

© Михановский В. Н., 1984

© Автор, 1984

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михановский Владимир

Аполлон

ПРОЛОГ

*Сны весны ясны и сиши,
Гроз угрозы далеки.
По утрам ложится иней,
Ветки голы и легки.
Наливаются закаты,
Жить готовится трава.
Выйдешь ты на мост покатый
Закружится голова.*

Даже здесь, над низко висящими тучами, воздух, который врывается в кабину сквозь чуть припущенное стекло, казался насыщенным тревожными запахами пробуждающейся тайги.

«Вот так и Аполлон скоро пробудится», – подумал Карпонос и, оторвав взгляд от пульта управления, посмотрел вниз.

Орнитоптер шел по основной траектории, давным-давно усвоенной его памятью. Пробив облачный слой, аппарат вскоре пошел на снижение.

Прошло еще несколько минут – и лес внизу поредел, расступился, уступив место обширной равнине. Посреди нее сиротливо белела заброшенная башня космосвязи, похожая на старинную церквушку или часовню. К башне вели две еще заметные тропинки, покрытые предутренним ледком. Картину довершали несколько стожков прошлогодней соломы. Граница равнины и леса обозначалась небольшой речкой, прочно закованной в ледяной панцирь.

Из-за линии горизонта плавно выплыли верхушки первых строений Зеленого городка.

Предоставив себя автопилоту, Иван Михайлович не отрываясь смотрел вниз, словно видел все это впервые – и стайки коттеджей, выбежавшие на крутой берег реки, и строгие институтские корпуса, и матовые, день и ночь светящиеся кубы биосинтеза, и многослойные испытательные полигоны для выращиваемых в них белковых систем – гордости ученых и инженеров Зеленого.

Что греха таить – он волновался сегодня, как никогда, и быть может, именно поэтому восприятие Карпоносова было особенно обостренным: он обращал внимание на любую мелочь стремительно проплывающего пейзажа.

Кое-где вдоль городских улиц еще лежал снег, собранный в аккуратные сугробы, съездившийся, потемневший.

Светило вот-вот должно показаться над горизонтом, на востоке с каждой минутой ширилась неяркая полоса апрельской зари. «Скоро солнце напророчит свет и радость навсегда, сладко-сладко забормочет пробужденная вода», мелькнуло у Карпоносова. В минуты сильного душевного волнения его мысли произвольным образом выливались в строки стихов. Это же свойство перенял и Аполлон.

Через некоторое время аппарат, взмахнув напоследок крыльями, опустился на прозрачный купол биоцентра. Цепкие присоски впились в пластиковую поверхность, и дверца орнитоптера тут же распахнулась.

Карпонос, взявшись за поручень, ступил на серебристую ленту, и она, вздрогнув, побежала, заструилась, словно ручеек, вниз, к вестибюлю, украшенному розоватыми колоннами из марсианского Лабрадора.

Огромный сферический зал, еще хранивший в себе настороженную ночную тишину, был пустынен. Он казался еще больше из-за дуговых металлических перекрытий, которые успели потускнеть от времени.

Невидимый луч фотоэлемента скользнул по фигуре конструктора-воспитателя, вспыхнул рубиновый глазок транспортной тележки, но Иван Михайлович прошел мимо.

Карпоносов все привык делать не спеша и основательно. Последние две сотни метров ему захотелось пройти пешком, чтобы еще раз сосредоточиться. Ведь сейчас ему предстояло действие, венчающее долгие годы усилий большой группы ученых разных специальностей, которую он возглавлял, его единомышленников и друзей.

Несколько последних дней его мучила неясная мысль, но четко сформулировать ее никак не удавалось. Что-то недодумали они с Аполлоном. Недодумали, несмотря на восторженную оценку, которую дала возможностям новой белковой системы высокая комиссия.

Впрочем, теперь, пожалуй, поздно изменить что бы то ни было. Через несколько минут... Да, всего через несколько минут он включит Аполлона, «вдохнет в него жизнь», как несколько выпрenne любит выражаться Иван Михайлович, и первая в мире самостоятельная белковая система начнет существование...

Вдали, за шеренгами лабораторных установок, показался Аполлон элегантный красавец с угловатыми контурами, любимее его детище. И, по всей вероятности, последнее: едва ли судьба отмерила ему количество лет, чтобы выпестовать еще одну столь же сложную систему, подобную Аполлону.

Карпоносов приблизился к нему и медленно обошел массивную фигуру, неподвижно стоящую на пологом возвышении.

В течение многих лет обучения Иван Михайлович имел дело с роботом, и сейчас конструктору показалось, что Аполлон даже внешне чем-то похож на него. Впрочем, это могло и почудиться. Но уж какие-то черты характера своего воспитателя белковая система наверняка усвоила, «впитала» в себя в этом Карпоносов убеждался неоднократно.

«И все-таки, что ни говори, Аполлон останется машиной, – подумал Иван Михайлович с неожиданной грустью. – Пусть умной, невероятно сложной, самой совершенной в своем роде – но все равно машиной».

Конструктор улыбнулся внезапно пришедшей в голову мысли. Удачное имя выбрали они своему детищу! Пожалуй, среди себе подобных робот и впрямь будет выглядеть Аполлоном – красавцем из красавцев.

Мощное прямоугольное туловище. Крепкие и быстрые конечности, легко сгибающиеся в сочленениях. Упругие и чуткие многопалые руки-щупальца... А как прекрасно смотрится кустик антенны на макушке, еще хранящий тепло конструкторских рук!

Конечно, со временем взгляды на красоту робота могут измениться техническая эстетика штука капризная. Но, как бы там ни было, не это, конечно, главное.

Карпоносов вздохнул. Он понимал, что ему не придется проследить весь путь Аполлона. Роботы такого класса, по компьютерным расчетам, смогут даже при предельных нагрузках – существовать долго, лет триста-четырееста. Столько пожилому конструктору не протянуть.

Все это Иван Михайлович понимал, но не об этом он думал сейчас.

– Сколько дел предстоит совершить Аполлону... И как важен для него какой-то общий принцип, которым он мог бы всегда руководствоваться в этих делах. – Он и не заметил, как вслух пробормотал эти слова.

Конечно, Аполлон будет обладать разумом, да и логики ему не занимать. Но здесь нужно еще что-то... А вот что именно?

Подойдя к пульту, Карпоносов протянул было руку к верньеру, чтобы включить биоритмы Аполлона, но тут же отдернул ее, словно обжегшись. Мысль, которая донимала конструктора в последнее время, начинала приобретать более четкие очертания.

– Аполлон, конечно, сумеет прокладывать тоннели в горах, взрывать породу, рыть шахты, добывать руду и уголь, конструировать машины заданного назначения, – продолжал рассуждать вслух Иван Михайлович. – Сможет, если понадобится, вести корабль по им же проложенному маршруту. Но догадается ли он ободрить капитана шуткой в долгом полете, когда до родной планеты еще много лет пути? Бросится ли спасти человека, внезапно попавшего в беду, даже если с точки зрения здравого смысла его положение кажется безнадежным?

Тут ведь одними командами да жесткой программой не обойтись, поскольку роботы серии «Аполлон» будут обладать правом выбора, автономностью в решениях: это необходимо для их быстрой адаптации в сложной, непрерывно меняющейся обстановке, когда логика подчас уступает интуиции, какому-то особому чутью... А откуда ему взяться у работа?

Чувств – вот чего будет не хватать Аполлону. Великая способность переживать, свойственная разумному существу! Способность испытывать, например, приязнь, сострадание. И тоску. И гнев. Только чувства в соединении с разумом, подумал конструктор, смогли бы правильно ориентировать действия робота, предоставленного собственной воле. Только они послужали бы ему надежным компасом в бурном море...

Иван Михайлович потер лоб. И так, Аполлону необходимо привить эмоции, как садовник приживляет к дереву черенок. Только это поможет роботу отличить добро от зла в их человеческом понимании.

Впрочем, здесь есть и определенный риск. А вдруг привитые эмоции поведут Аполлона совсем в другую сторону, вдруг они отвлекут его от основных задач, которые необходимо решать? Вдруг компас в бурных силовых полях окажется неверным? Что тогда?..

И тут взгляд конструктора упал на неровно мерцающий, как бы пульсирующий светом шар, лежащий на лабораторном столе чуть поодаль.

Эврика!

Ученый в то же мгновение понял, что сногшибательная идея зародилась у него еще несколько дней назад, когда они всей лабораторией ездили на озеро отдыхать. Правда, своей идеей Карпоносов ни с кем не поделился: уж слишком еретической она выглядела. А тут... кажется, сама судьба положила перед ним этот мерцающий сгусток.

Сквозь купол брызнуло, пробив невесомые по-апрельскому тучки, весеннее солнце, и шар на секунду вспыхнул, словно маленькое светило.

Это был блок, моделирующий человеческие чувства – те самые, которых, по мнению Ивана Михайловича, не хватало Аполлону, – радость и тоску, симпатию и неприязнь, любовь и ненависть.

Над блоком эмоций конструкторский коллектив, возглавляемый Карпоносовым, трудился давно, примерно столько же лет, сколько и над Аполлоном.

«Что ж, знаменательное совпадение, – подумалось Ивану Михайловичу. А что, если теперь же, немедленно, объединить, синтезировать обе эти работы?!»

Взяв в руки мерцающий шар, Иван Михайлович несколько мгновений держал его на весу. Принять решение было непросто: ведь блок эмоций, как и Аполлон, имелся в единственном экземпляре.

Вживить Аполлону блок эмоций можно, а вот обратно его заполучить, не повредив, не удастся. После того, как робот «оживет», блок эмоций соединится с ним, быстро срастется тысячами нитей – синаптических связей.

Да, это огромный риск – риск загубить Аполлона, швырнув его в безбрежное море человеческих чувств. Но разве не рисковал Христофор Колумб, пускаясь в неведомый путь? Разве не рисковал первый авиатор, отрываясь от земли? Разве не рисковал Юрий Гагарин, отправляясь в первый космический полет?

Без риска нет победы – этому учит людей весь их многотысячный путь.

Конструктор Иван Карпонос не знал еще, что его отделяет только шаг от величайшего открытия в робототехнике, что Аполлон, обладающий человеческими эмоциями, даст начало бесчисленным ветвям – целым поколениям роботов, обладающих совершенно новыми, невиданными дотоле свойствами.

Повинуясь только собственной догадке, старый конструктор подошел к роботу и вмонтировал блок эмоций в его головной отсек.

Затем решительно крутанул верньер, и живительные биотоки начали все более стремительную циркуляцию в сложнейшей биоэлектронной системе по имени Аполлон.

Глава первая В ГАВАНИ

*В берег древность холодная бьется
В брызгах руки и губы твои.
Здравствуй, чуткая гулкость колодца,
Звездной бухты литые огни.
Мы лишь звенья блистающей цепи,
После нас еще будут века.
И лежат заповедные степи
Затекла горизонта рука.*

Неизвестно почему, но Коля сразу обратил внимание на этого неуклюжего допотопного робота, едва тот появился в гавани. Суставы робота чуть поскрипывали на ходу, странно и забавно поблескивали выпуклые глаза-фотоэлементы, которые давно уже не использовались в робототехнике.

Гавань, начальником которой трудился отец Коли, была небольшой, однако служила важным перевалочным пунктом между морем, сушей и космосом. Это был узел, где сходились множество дорог.

Водой сюда шли грузы с Оранжевого архипелага – фрукты, выращиваемые для землян и жителей других планет Солнечной системы. Отсюда, из гавани, отправлялись на архипелаг предметы, необходимые тем, кто обслуживал оранжерею. Туда везли биостимуляторы, бактериальные ускорители роста растений, саженцы с других планет.

Новый робот резко выделялся среди своих собратьев, хотя старинные биосистемы были в гавани в общем-то не в диковинку, и обычно мальчишки знали назубок их «год рождения» и марку. Но даже их поначалу поставил в тупик массивный, с трудом передвигающийся угловатый белковый.

Впрочем, ребята едва ли бы обратили на него особое внимание – в гавани ведь трудятся тысячи роботов, – если бы не странное поведение новичка, связанное с Колей.

Коля с ватагой ребят направлялся на пляж. Навстречу им тяжело, вперевалку шагал грузный белковый. Он обвел всех фотоэлементами и остановил взгляд на Коле. Впоследствии приятель Коли уверял, что в огромных глазах-блюдцах робота заплясали какие-то колдовские, бесовские огоньки. Впрочем, этот приятель, все это знали, был большим выдумщиком и фантазером. Так или иначе, робот, который нес огромный контейнер с бананами, остановился, пристально посмотрел на Колю и, словно зачарованный, пошел следом за мальчиком.

Остальные ребята приотстали.

Робот шагал за Колей, не глядя по сторонам, металлическая плетенка покачивалась в такт шагам, на голове медленно вращался кустик антенны, похожий на непокорный вихор.

Опешивший Коля несколько раз оглянулся. Ему показалось, что робот пристально изучает его.

– Разве не видишь – у бедняги шарики за ролики зашли! – крикнул кто-то из ватаги, сопровождающей Колю.

– Убеги от него – и дело с концом, – добавил кто-то. – Тогда этот белковый придет в себя.

У Коли было сильное искушение задать стрекача, но он пересилил себя, хотя и был порядочно перепуган внезапным преследованием: не хотелось в глазах приятелей прослыть трусишкой, хотя с роботами, лишенными ограничителей, как известно, могло приключиться всякое. Кроме того, и необычный белковый чем-то заинтересовал Колю.

Так они миновали несколько кварталов, сопровождаемые притихшими ребятами.

В начале улицы, которая круто поднималась в гору, робот остановился. Остановился, сделав по инерции несколько шагов, и Коля.

– Ты – Искра? – спросил робот внезапно. Голос его был низкий, рокочущий, но он казался Коле приятным.

– Что? – растерянно переспросил мальчик.

– Человек, твоя фамилия Искра? – переспросил робот настойчиво.

– Да, – растерянно ответил Коля. – А откуда ты знаешь?

– Мне показалось... – Не договорив, робот покачнулся, отчего контейнер, стоящий на его широких, как шкаф, плечах, угрожающе накренился.

Ребята, окружившие их, молча слушали диалог Коли и белкового робота.

– А что с тобой? – спросил кто-то у робота. – Может, помощь нужна?

Белковый покачал головой.

– Я недавно на Земле... Отвык от гравитации, в голове мутится... Это пройдет, – отрывисто проговорил он, не отрывая взгляда от Коли. Затем надолго умолк.

Мальчик сделал нетерпеливое движение.

– ...Синие. Они синие-синие, как два лесных озера, – вдруг быстро проговорил белковый, словно очнувшийся от забытья.

– Ты о чем? – спросил Коля и инстинктивно сделал шаг назад: во взгляде робота ему почудилось что-то угрожающее.

– Не бойся, юный землянин, – пророкотал белковый, как будто угадав его мысли. Затем запустил свободное щупальце вверх, достал из контейнера связку из нескольких бананов и бросил ее Коле: – Лови!

Мальчик, однако, был так растерян и взволнован странным разговором, что не пошевелился, и связка бананов, описав дугу, шлепнулась о стену дома, после чего упала на голубоватый, нежно отсвечивающий пластик тротуара.

Кивнув всем на прощанье, белковый поправил груз и медленно двинулся вверх по крутому уличному подъему.

– Как тебя зовут? – крикнул кто-то из ребят вслед допотопному роботу.

– Аполлон, – пророкотал белковый, не оборачиваясь.

Ребята прыснули. Уж слишком разительным было несоответствие между именем и всем видом робота, еле волокащего конечности, к тому же имеющему столь странную и смешную форму.

Друзья подошли ближе к Коле.

Приятель спросил:

– Ты его знаешь?

– Откуда? – пожал плечами Коля.

– Мне показалось, что он тебя когда-то знал, но не мог вспомнить, когда.

– Станный он, Аполлон.

– Он добрый, – произнесла задумчиво девочка и, нагнувшись, подняла связку бананов. – Ого, какие тяжелые! И кожура с синим отливом. Наверняка новый сорт.

– Пойдем купаться! – крикнул кто-то, и стайка ребят, прыгнув на бегущую ленту, стремительно помчалась к пляжу.

До возвращения на Землю старый Аполлон трудился на Деймосе – спутнике Марса.

На Деймосе были обнаружены следы внеземной цивилизации, и по инициативе Межпланетного Совета там была развернута грандиозная программа археологических раскопок, охватывающая все небольшое небесное тело.

Руководители программы включили в нее Аполлона в надежде на то, что удастся использовать его уникальную память – бесценную сокровищницу и кладовую информации. Ведь это

был самый старый из всех роботов Солнечной системы: в земных единицах измерения ему было около трехсот лет.

Аполлону довелось участвовать во множестве космических экспедиций, и благодаря умению чувствовать и переживать информация в его запоминающем устройстве была классифицирована так, как это мог сделать только человек.

Разумеется, после Аполлона появилось множество других роботов той же серии, а затем и более совершенные, но их опыт не шел ни в какое сравнение с опытом Аполлона.

Однако надежды организаторов деймосских раскопок не оправдались.

В памяти Аполлона неожиданно обнаружили необъяснимые провалы, она словно рвалась на куски, как старая, пришедшая в негодность киноплёнка.

Даже перед самой простой логической задачей, еще совсем недавно не составлявшей для него труда, Аполлон становился в тупик, вот и пришлось его списывать с Деймоса.

Так он попал в гавань.

Первые дни на Земле Аполлон очень страдал от гравитации, от которой успел отвыкнуть: ведь на Деймосе практически царствовала невесомость. Приспособляемость робота оставляла желать лучшего: его системы ориентации в пространстве давно уже утратили былую гибкость.

С трудом переставляя налитые свинцом, непослушные шупальца, Аполлон бродил по окрестностям гавани. Разглядывал образчики земных растений, смотрел на пологую равнину, мучительно напоминавшую ему что-то. Или ловил чуткими – все еще! – анализаторами степной, напоенный травами ветерок, привычно раскладывая его на компоненты, как он делал это там, на далеких планетах...

Особенно нравились Аполлону степи – заповедные земли, которые начинались сразу за портом. И конечно, море. Он мог часами стоять на берегу, глядя в пространство, на линию горизонта.

В памяти робота в эти минуты теснились смутные воспоминания, похожие на эти осенние облака, – столь же бесформенные и неуловимые. Иногда из них выплывали зримые образы.

Чаще всего это был хоровод светил, из тех, которые Аполлону довелось повидать на своем долгом веку. Он путал названия, а они бесконечной чередой проплывали перед его внутренним взором: красные тусклые карлики, обладающие чудовищной гравитацией, зеленые ласковые светила, как бы струящие спокойствие и доброжелательность, оранжевые беспокойные солнца, швыряющие в окрестное пространство факелы-протуберанцы.

С чувством, близким к ужасу, он вспоминал Черную звезду, в плен к которой едва не угодил корабль.

Но чаще всего ему, конечно, виделось Солнце, ласковое земное Солнце, единственное во Вселенной. То, которое и сейчас сияет над ним, когда ему удастся выглянуть сквозь разрывы низко бегущих туч.

А увидел его он, когда впервые покинул купол биоцентра Зеленого городка. Было это давно, невообразимо давно...

Что осталось от той поры в том, что он, как и люди, называл памятью?

Вглядываясь в горизонт до рези в фотоэлементах – он их называл глазами, – Аполлон силился оживить, вызвать в памяти тот день, самый первый день своего самостоятельного существования.

Но это ему пока не удавалось: перед мысленным взором проплывали только какие-то клочки, обрывки, легкие как пар и столь же неуловимые.

...Припоминался мутный океан небытия, который вдруг непостижимым образом начинает редеть. Пелена, спадающая с инфразора. Огромный прозрачный купол над ним, контуры которого становятся все более явственными.

...Перед ним стоит человек. Он улыбается, между тем как информация об этом человеке все более «оживает» в мозгу. Да, это он, записанный в тысячах битов информации, – Иван Михайлович Карпоносов, его конструктор и воспитатель.

Конструктор протягивает руку, помогает Аполлону сойти с упругого возвышения, на котором тот стоит.

До чего он труден, первый шаг! Как зыбко и призрачно равновесие... Но, только сохраняя его, можно перемещаться в трехмерном пространстве эту аксиому Аполлон усвоил твердо. Как это люди, его создатели, умудряются не падать?

С каждым движением, однако, белковый чувствует себя все увереннее. Каждый последующий шаг дается ему легче предыдущего.

Сделав дюжину шагов, белковый останавливается. Внимательным взором окидывает сферозал, одну за другой узнает биоустановки, расположенные по концентрическим окружностям. Каждая из них обеспечивала «пробуждение» одной из его систем – это Аполлону тоже известно.

Однако с самого начала еще не окрепшее сознание Аполлона начали беспокоить неведомые ощущения, которые никак не были отражены в его запоминающем устройстве. Поначалу это повергло его в полное смятение. Что-то все время волновало головной мозг, не давало ему сосредоточиться на какой-нибудь одной определенной мысли.

Но конструктор был рядом, он все время заботливо поддерживал Аполлона, и жаркое чувство приязни к этому невысокому, неуклюжему коренастому существу, которое подарило ему самое драгоценное во Вселенной – бытие, существование, жизнь, вдруг жаркой волной накатило на его сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.